

Глава 21. В расчёте

Оба замерли и обернулись. Позади стоял толстяк Чжан Туанюань; он с аппетитом уплетал хрустящие чипсы из сладкого батата, то и дело запуская руку в бумажный пакет.

При виде него Лу И сразу вспомнил инцидент на Кладбище мечей. Настроение мгновенно испортилось. Он шагнул вперёд и бесцеремонно схватил парня за шиворот. Висящая на поясе Туанюаня Огненная глазурь, почуввав угрозу хозяину, сама собой выскользнула из ножен, но путь ей преградил Убийца демонов за спиной Лу И.

От столкновения духовных сил по чайной лавке прошла заметная вибрация. Служка тут же выскочил вперёд, размахивая полотенцем:

— Если хотите подраться — валите на улицу! Правил не знаете?!

Несколько старших учеников из Низшей духовной академии тоже возмущённо загалдели:

— И то верно! Не мешайте нам пить... то есть, чайничать.

— Спокойнее, спокойнее. Уберите мечи, — Цинь Юэ уже вклинился между ними, исполняя роль миротворца.

Лу И недовольно сверлил Чжан Туанюаня взглядом. Тот хоть и выглядел виноватым, но продолжал заносчиво огрызаться:

— И... и чего ты так зыришь?! Если бы не я, ты бы ещё неизвестно когда этих Парных демонов, карающих небеса, получил! Вдобавок Меч Сюаньюань изначально признал хозяином моего брата. Я просто помогал ему вернуть своё, в этом нет ничего предосудительного!

— Тогда чего ты сейчас так засуетился?

— Я... я просто хочу, чтобы всё было по справедливости. К тому же, когда вы провалились, мы из кожи вон лезли, пытаюсь вас отыскать! А когда Кладбище мечей начало рушиться, Шися наотрез отказался уходить. Он до последнего хотел остаться и найти вас. Если бы его не утащили силой, он бы, наверное, так там и сидел, ждал до победного.

— Хм, — холодно хмыкнул Лу И.

Толстяк тут же вскинулся:

— Ты на что это намекаешь?! Думаешь, я вру?!

— Это правда, А-И. Чжан Шися и впрямь рвался обратно, хотел продолжать поиски. Если бы Фэнлинь Сяо не одолжил у своего брата меч и не вырубил Шися точным ударом, вы бы точно встретили его на выходе, — подтвердил Цинь Юэ.

Лу И на мгновение опешил:

— Одолжил? Разве можно передавать свои мечи другим?

— Обычно — нет. Но, похоже, на клинках семьи Фэнлинь такие запреты не лежат.

Лу И невольно вспомнил слова Вэньшу-цзюня, обращённые к Фэнлинь Юю. Ходили слухи, что их клан владеет уникальным методом укрощения духов, способным подчинить даже признавший хозяина меч и заставить его служить кому угодно. Неужели все их клинки проходят через такую обработку, стирающую личность духа меча?

От этой мысли стало не по себе. А Чжан Туанюань тем временем продолжал шуметь:

— К тому же, даже если я и поступил тогда скверно, столкнув вас вниз, Шися мне уже задал хорошую трепку! Да и дорогу в эту лавку вам я подсказал, не забывай!

Лу И вопросительно глянул на Цинь Юэ. Тот кивнул.

— Ладно, — протянул Лу И. — Раз уж ты так жаждешь искупить вину, покажи искренность своего раскаяния.

— И какой же искренности ты ждёшь?

— Сегодняшнее вино... кхм, чай — за твой счёт.

Для младшего господина Чжана из Пятого Небесного Слоя это не было проблемой. Он тут же выудил из-за пазухи изящный голубой кошелек с вышитым белым кроликом и с истинно барским размахом грохнул его о стол:

— Пейте сколько влезет!

Троица устроилась за столом. После нескольких чарок Лу И вспомнил о важном:

— Ты давеча обмолвился о происхождении Янь Цэ. Что ты имел в виду?

— Вы же и сами слышали на Кладбище мечей: Янь — не настоящая его фамилия. Он из рода Сюаньюань.

— И что в этом такого особенного?

— Сразу видно — вы всю жизнь ниже Третьего Небесного Слая провели, вот и не ведаете ничего, — в голосе Туанюаня проскользнуло невольное превосходство.

Собеседники нахмурились.

— Говори по делу, — отрезал Лу И.

Толстяк тут же сдулся:

— Кхм, в общем... Сюаньюань — это фамилия одной из четырёх великих благородных семей мира совершенствующихся.

— Четыре великие семьи?

— Именно. Даньтай на Востоке, Сыхуан на Севере, Наньгун на Западе и Сюаньюань на Юге. Это древнейшие и могущественные кланы. Вот только десять лет назад в южном клане Сюаньюань случилась какая-то беда, и все они погибли. Хотя поговаривают, будто их род... стал падшими небожителями.

Последние слова Чжан Туанюань произнёс почти шёпотом, опасливо оглядываясь. Лу И и Цинь Юэ вздрогнули.

Падшие небожители?!

Это было тяжелейшее обвинение. Друзья в ужасе уставились на толстяка, отчего тот замахал руками:

— Я за правдивость не ручаюсь, так, слухи пустые! Но раз ты говоришь, что рядом с ним тебе дышать тяжело, может, это его кровь так на тебя давит.

— Но почему это чувствую только я? На остальных его происхождение не действует?

— А вот этого я не знаю.

Разговор так и не прояснил ситуацию, зато вина было выпито немало. Когда вдрызг пьяный Лу И добрался наконец до Изящной бамбуковой обители, Янь Цэ уже не только прибрался в комнате, но и расстелил ему постель.

Тот заранее подготовил целый ворох оправданий: мол, просто в комнате было слишком грязно,

вот и прибрал походя; или вообще собирался всё отрицать — дескать, понятия не имею, само так стало.

Однако все заготовки оказались бесполезны — перед ним предстал форменный пьянчуга.

Напевая под нос какую-то легкомысленную песенку, Лу И, пошатываясь, толкнул дверь. Он даже не заметил идеального порядка и, не снимая сапог, рухнул прямо на чистые простыни.

Янь Цэ замер.

То ли стойкий запах перегара вывел его из себя, то ли поведение Лу И совсем не вписывалось в его ожидания, но вечно холодный юноша вдруг заговорил первым:

— И где ты был?

— Где? — Лу И пробормотал что-то невнятное, икнул и вдруг глупо, совершенно не к месту расхохотался. — В одном чудесном месте... Но тебе не скажу.

Янь Цэ с трудом подавил желание подойти и хорошенько встряхнуть этого наглеца, но тут пьяный парень выдал:

— Янь Цэ... я тебя терпеть не могу.

Янь Цэ оцепенел. На сердце вдруг стало как-то зябко. По правде говоря, хоть он и не любил делить кров с кем бы то ни было, Лу И не вызывал у него истинного отвращения. А пьяный тем временем начал заплетающимся языком вываливать свои обиды:

— Характер у тебя паршивый, сам ты заносчивый... Тебя вообще любить не за что. К тому же ты вечно меня подавляешь. Давишь своей этой аурой странной, аж вздохнуть нельзя. Если честно, я вообще не хотел с тобой жить.

Янь Цэ слушал всё более изумлённо. Давит аурой? Когда он успел, если сам того не замечал? Но Лу И, кажется, приободрился от собственного возмущения: он внезапно резко сел в кровати и уставился на соседа затуманенным, но удивительно серьёзным взглядом.

— Но зачем же ты меня спас?

Спас? Янь Цэ не сразу сообразил, что речь идёт о том моменте на Кладбище мечей злых святых, когда он прикрыл его своим телом от смертельного удара. Но ведь Лу И тогда был без сознания. Откуда он узнал?

Ответ пришёл мгновенно: висящий на стене Пожиратель духов издал тонкий, едва слышный звон. Янь Цэ всё понял: этот пронырливый дух меча проболтался.

Лу И всё так же пристально смотрел на него, склонив голову набок. Янь Цэ понимал, что к утру этот пьяница всё забудет, но всё равно решил ответить:

— Ты ведь тогда прыгнул вслед за мной. И хоть ты помалкиваешь об этом, я считал своим долгом вытащить тебя оттуда целым и невредимым.

"Потому что это был первый раз в моей жизни, когда кто-то шагнул в бездну только ради того, чтобы я не оставался там один."

"Наверное, именно в тот момент я перестал тебя ненавидеть."

Лу И, кажется, пропустил всё мимо ушей. Он вдруг протянул руку и ткнул Янь Цэ пальцем в лоб, заставив того слегка качнуться.

— Но потом я тоже прикрыл тебя от меча, так что мы в расчёте!

— Ладно... — тихо выдохнул Янь Цэ.

"Нет, мы не в расчёте. То, чем я тебе обязан, не измерить простыми услугами."

Едва он договорил, Лу И повалился обратно и мгновенно захрапел. Янь Цэ усмехнулся. И чего он распинается перед пьяным? Глядя на покрасневшее лицо спящего юноши, он поймал себя на мысли, что злиться на него почему-то не получается. Поколебавшись, он всё же подошёл, отцепил от пояса Лу И Убийцу демонов, повесив его рядом с Пожирателем духов, после чего стянул с парня сапоги и накрыл одеялом. Пусть это будет благодарностью за ту рану, которую Лу И принял на себя на Кладбище мечей злых святых.

— Белолицый... настанет день, и я тебя одолею... — пробормотал во сне Лу И.

Янь Цэ замер, а через мгновение он азартно блеснул глазами.

"Одолеешь меня? С твоими-то жалкими техниками? Да тебе и вечности на это не хватит."

"Впрочем, техники твои и впрямь никуда не годятся, смотреть тошно. Придётся придумать, как заставить тебя взяться за ум."